

© 2026. О. Б. Кафанова

Санкт-Петербургский университет бизнеса и инноваций
г. Санкт-Петербург, Россия

**Фундаментальный труд литературоведа и переводчика:
французский перевод «Писем русского путешественника»
Н. М. Карамзина¹**

Аннотация: Рецензия посвящена первому полному французскому переводу «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Дается обзор издания, выпущенного французским литературоведом и переводчиком, известным специалистом по русской литературе XVIII в., профессором Сорбонны Родольфом Бодэном. Рассматривается фундаментальный научный аппарат, включающий многосоставное введение, представляющее литературоведческую ценность, а также 937 примечаний и комментариев переводчика. Одновременно анализу подвергаются наиболее репрезентативные фрагменты перевода, выясняется их адекватность оригиналу. Во вступительной статье затронуты актуальные научные проблемы, среди которых: традиция русского путешествия в Европе, историческое и культурное значение «Писем русского путешественника», рецепция произведения в России и на Западе. Особенный интерес вызывают представленные сведения о трех предыдущих французских переводах, малоизвестных или совсем неизвестных в России. Бодэн выступает как первоклассный переводчик, создатель первого адекватного перевода «Писем русского путешественника» во Франции.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, Родольф Бодэн, перевод, научный аппарат, историческое значение, рецепция

Информация об авторе: Ольга Бодовна Кафанова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский институт бизнеса и инноваций, ул. Гаванская, д. 3, 199105 г. Санкт-Петербург Россия, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-5478-6261>

E-mail: olg_kaf@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 17.01.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 15.03.2026

Дата публикации статьи: 25.06.2026

Для цитирования: Кафанова О. Б. Фундаментальный труд литературоведа и переводчика: французский перевод «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 2. С. 414–433. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-414-433>

¹ Рецензия на книгу: *Nikolaï Karamzine. Lettres d'un voyageur russe. Introduction, traduction, notes et commentaires de Rodolphe Baudin. Paris: Institut d'Études Slaves — Éditions L'Inventaire, 2022. 783 p.*

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 414–433. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 414–433. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2026. Olga B. Kafanova

Saint Petersburg University of Business and Innovation
Saint Petersburg, Russia

Fundamental Work by a Literary Scholar and Translator: French Translation of N. M. Karamzin's "Letters of a Russian Traveler"¹

Abstract: This review is dedicated to the first complete French translation of N. M. Karamzin's "Letters of a Russian Traveler." It provides a comprehensive overview of the edition, published by the French literary scholar and translator, renowned specialist in 18th-century Russian literature and a Sorbonne professor, Rodolphe Bodin. The review examines the fundamental scholarly apparatus, including a multi-part Introduction of literary value, and 937 notes and comments by the translator. At the same time, the most representative fragments of the translation are analyzed, and their fidelity to the original is assessed. The introductory article raises a number of topical scholarly issues, including: the tradition of Russian travel in Europe, the historical and cultural significance of "Letters of a Russian Traveler," and the reception of the work in Russia and the West. Of particular interest is the information presented on three previous French translations, little known or completely unknown in Russia. Bodin emerges as a first-class translator, the creator of the first faithful translation of the "Letters of a Russian Traveller" in France.

Keywords: N. M. Karamzin, Rodolphe Bodin, translation, scholarly apparatus, historical significance, reception

Information about the author: Olga B. Kafanova, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg Institute of Business and Innovation, 3 Gavanskaya St., 199105 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-5478-6261>

E-mail: olg_kaf@mail.ru

Received: January 17, 2026

Approved after reviewing: March 15, 2026

Published: June 25, 2026

For citation: Kafanova, O. B. "Fundamental Work of a Literary Scholar and Translator: French Translation of N. M. Karamzin's 'Letters of a Russian Traveler'." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 2, 2026, pp. 414–433. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-414-433>

¹ Book review: *Nikolai Karamzin. Letters of a Russian Traveler. Introduction, Translation, Notes and Commentary by Rodolphe Baudin.* Paris: Institute of Slavic Studies — L'Inventaire Publishing, 2022. 783 p.

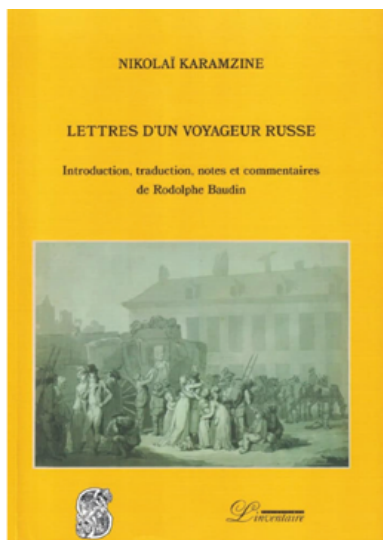
Родольф Бодэн, известный в Европе и России ученый, специалист по русской литературе XVIII в., профессор Сорбонны, выпустил в 2022 г. первый полный французский перевод «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Такой труд по силам только крупному литературоведу и переводчику, хорошо разбирающемуся в творчестве писателя и реформатора русского языка. Бодэн демонстрирует глубокое, тщательное знакомство со всеми исследованиями, появившимися не только в России, но и в Европе со времени выхода произведения Карамзина. Издание снабжено богатым научным аппаратом. Целью французского автора, с которой он прекрасно справился, является рассмотрение «Писем русского путешественника» не только как произведения русской литературы, что уже было сделано [Лотман, Успенский], но и как явления европейской культуры.

Новый французский перевод, полно и скрупулезно воспроизводящий все особенности сложного оригинального текста, передающий его живописность и образность, оказался настолько востребованным во франкоязычной среде, что издательство *Florides Helvètes* предложило выпустить отдельной книгой швейцарские главы, что и было сделано в 2024 г.¹

Книга начинается с масштабного введения, включающего пять важных разделов. Введение и подробные комментарии, развернутые пояснения переводчика, занимающие более 185 страниц, составляют примерно четвертую часть общего объема текста. Таким образом, книга представляет не только переводческую, но и литературоведческую ценность. А разнообразие аспектов, затронутых в разделах, обуславливает многосоставность и сложную структуру введения. Начинается

¹ *Nikolai Karamzine. Lettres d'un voyageur russe en Suisse. Traduit du russe, préfacé et annoté par Rodolphe Baudin. Paris: Éditions Florides Helvètes, 2024. 211 p.*

О. Б. Кафанова. Фундаментальный труд литературоведа и переводчика:
французский перевод «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина

оно с историко-литературного экскурса «Литературные дебюты Карамзина» (*“Les débuts littéraires de Karamzine”*). Бодэн дает обзор развития русской литературы XVIII в., приводя десятки работ русских и зарубежных авторов, посвященных влиянию французской литературы на русскую [Naumant]. Интересно представлена дискуссия о галломании и галлофобии. Особенно остро и едко высмеивали галломанию своих соотечественников Н. И. Новиков и Д. И. Фонвизин. Бодэн останавливается на статье С. Бородина «Галлофобия в нашей литературе прошлого века», в которой дается анализ антифранцузских настроений в русской словесности XIX в.: «Эта борьба против галломании, несомненно, сыграла важную роль в утверждении русской национальной идентичности» [Baudin 2022: 10].

В этом разделе кратко говорится о первых шагах начинающего литератора Карамзина и его ранних, но уже важных для русской культуры переводах, в том числе «Юлия Цезаря» Шекспира и «Эмили Галотти» Лессинга. Упоминается и его сотрудничество в журнале Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума», где он поместил цикл из 15-ти произведений С. Ф. де Жанлис, предназначенный для детей и юношества.

В разделе «Карамзин и традиция русского путешествия в Европе» (*“Karamzine et la tradition du voyage russe en Europe”*) рассматривается

историческая эволюция этого явления. Поначалу путешествия носили принудительный характер. Петр I, которому для осуществления его проекта модернизации России нужна была элита, владеющая наукой и технологиями, действительно отправлял многих дворян за границу для обучения. «Общеизвестна отрицательная реакция разных слоев русского общества» на подобные «учебные командировки» самих «подневольных путешественников» [Гуминский: 81]. Только к середине XVIII в., в царствование Екатерины Великой, начали осуществляться путешествия по индивидуальной инициативе. В послепетровскую эпоху изменяется главный географический маршрут реальных путешествий русских людей за границу с Востока на Запад. Бодэн справедливо связывает развитие путешествий с «Манифестом» Петра III (1762 г.), освобождающего дворян от повинности государственной службы и предоставляющего им права свободного выезда за границу и проживания там.

В период с 1763 по 1780 гг. российские власти выдавали в среднем по шестьсот паспортов в год для путешественников по Европе [Berelowitch: 194]. Многие путешествия часто принимали форму «Гранд-тура», аристократической традиции, зародившейся в Англии. Их целью было завершение образования через изучение иностранных языков, знакомство с шедеврами европейской культуры, как древней, так и современной, а также ознакомление с обычаями зарубежного аристократического общества. В рамках «Гранд-тура» излюбленными направлениями российских путешественников стали Италия, колыбель западной цивилизации и, конечно же, Франция, в частности Париж — настоящая «Мекка русских XVIII века» [Berelowitch: 193-209].

По мере развития в литературе чувствительности, зарождения сентиментализма в последней трети века к первоначальному маршруту «Гранд Тура» была добавлена Швейцария — «место живописности, место пасторальной невинности». Заданный широкий контекст позволил Бодэну точно определить своеобразие путешествия, предпринятого Карамзиным. Оно не было подобием «Гранд-тура», поскольку молодой писатель происходил из низшего дворянства, а не из аристократии, способной позволить себе крупные расходы. Он не ехал учиться, и его не сопровождали гувернеры, как, например, молодых Строгановых или Голицыных:

Главной целью поездки Карамзина было знакомство его на месте (*insitu*) с европейской культурой, о которой он уже имел солидные знания из книг, и она не была частью социальной стратегии, призванной помочь ему в официальной карьере по возвращении в Россию [Baudin 2022: 20].

Вместе с тем литературное путешествие становилось способом литературного освоения пространства [Калуцков: 26–35]. Во введении определены точные даты и маршрут путешествия Карамзина. Он покинул Москву 18 мая 1789 г., чтобы отправиться в Лифляндию, Пруссию, потом через многочисленные германские государства в Эльзас, затем в — Швейцарию, Францию и, наконец, в Англию, откуда вернулся в Россию в июле 1790 г.

Бодэн показывает, что Карамзин заполнил время своего путешествия не только осмотром достопримечательностей, но и знакомством с театральной жизнью, а также визитами к знаменитым ученым и писателям, произведения которых он читал и с которыми иногда переписывался. Он посетил Канта, Николаи, Рамлера, Морица, Платнера, Вейссе, Гердера и Виланда в Германии; Лафатера и Бонне в Швейцарии. В Париже ему удалось встретиться с аббатом Бартеlemi и мельком увидеть Мармонтеля, но ни один из них его не принял. Бодэн справедливо объясняет это событиями Революции, которые к этому не располагали; вместе с тем, прием молодых путешественников, часто студентов, известными интеллектуалами не был распространен во Франции.

Интересен вывод Бодэна о том, что по мере изменения характера и целей зарубежных поездок, в России развивалась и практика написания путевых заметок. В древнерусской литературе путевые заметки представляли собой описания паломничеств к святым местам или в Константинополь, а начиная с XVI в., это были отчеты, направляемые дипломатами монархам. Только в эпоху Просвещения возник новый тип повествования, сосредоточенный не на внутренней жизни паломника, а на новизне внешнего мира, который открывал путешественник. Однако в конце XVIII в., под влиянием сентименталистской эстетики, в частности, под влиянием «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна (1768), субъективные впечатления теперь уже индивидуализированного рассказчика вновь вышли на первый план» [Baudin 2022: 22–23].

Вернувшись в Россию повзрослевшим и изменившимся, Карамзин выпустил свои «Письма русского путешественника», которые заняли

особое место в контексте литературных сентиментальных путешествий. В отличие от русских писателей-путешественников, своих предшественников (таких, как Денис Фонвизин [Макогоненко] или княгиня Екатерина Дашкова [Папилова: 80–87; Сафонов]), он создавал текст уже по возвращении в Москву. По-видимому, он основывался на записях, сделанных им во время поездки, и опубликовал весь текст в период с 1791 по 1797 гг. в разных изданиях, прежде всего — в «Московском журнале».

Скрупулезно используя богатейший материал зарубежных и российских исследований, Бодэн глубоко и достоверно представил весьма сложную проблему — своеобразие «Писем» Карамзина. Подобно тому, как «Письма русского путешественника» не являются письмами, адресованными его друзьям, рассказчик Карамзина не тождествен автору. Очень часто в произведении описываются явления, которые писатель сам не видел, но считал своим долгом описать в соответствии с повествовательной программой жанра травелога. Еще ранее, в своей книге о пребывании Карамзина в Страсбурге, Бодэн привел яркий пример описания того, что сам Карамзин видеть не мог [Baudin 2011: 97–107].

Во введении отводится место «Историческому и культурному значению “Писем русского путешественника”» (“La signification historique et culturelle des ‘Lettres d’un voyageur russe’”). Произведение Карамзина пользовалось большим успехом, во многом благодаря своей замечательной новизне в области русской повествовательной прозы. Сам Карамзин вполне сознавал новаторство своего произведения. От Ш. Дюпати (Dupaty), автора «Писем об Италии» (“Lettres sur l’Italie”, 1788), он перенял стремление предоставлять русской публике полезную информацию о жизни в Европе. Не менее важным образцом для выражения интимных переживаний было «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна. У английского сентименталиста Карамзин, вероятно, позаимствовал приемы юмора и автоиронии, которые несколько трансформировал. Можно назвать и еще одного автора и путешественника, которого Карамзин очень ценил — Карла Морица. Его произведение “Reisen eines Deutschen in England” он читал, по его признанию, «с великим удовольствием» [Карамзин: 46], а отрывок из него перевел для своего «Московского журнала» 1792 г. [Кафанова: 148]. Мысли Морица о пользе путешествий, высказанные при встрече с путешественником, были явно близки Карамзину:

Ничего нет приятнее, как путешествовать <...>. Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мертвыми в сравнении с идеями очевидца [Карамзин: 46].

Французский исследователь ярко репрезентирует картину европейской культуры, которая складывается у Карамзина из описания четырех разных стран:

Германия — страна писателей и ученых, Швейцария — страна аркадской простоты, Франция, рассматриваемая по образцу Парижа, — страна культуры и вежливости, Англия — страна торговли и политики [Baudin 2022: 29].

Карамзин дал портреты крупных деятелей литературы и философии, часто прибегая к физиогномике И. К. Лафатера. Описывая ту или иную встречу, он не только излагал мысли великого собеседника, но и выражал свое собственное мнение по их поводу. Интересно утверждение Бодэна о том, что Карамзин очень доходчиво говорит о немецкой литературе, как бы предлагая своим читателям список произведений для чтения. «Письма» наполнены сведениями о музыке, живописи, скульптуре, архитектуре. Одновременно много места отводится гастрономическим пристрастиям представителей разных национальностей.

В книге отмечается, что отказываясь от сложной романной формы, Карамзин обратился к жанру, предполагающему большую структурную и тематическую свободу. Раскрывая в тексте «зеркало своей души», писатель вводит много дополнительных иллюстративных рассказов, посвященных любви и дружбе, филантропии и патриотизму. С одной стороны, он открывал читателю богатства зарубежных культур, с другой стороны, утверждал достоинство русской культуры. Объективно выяснялось, что, русский человек — такой же европеец, как и представители других стран.

Еще один аспект, затронутый во введении — это «Восприятие и распространение “Писем русского путешественника”» (“Réception et postérité ‘des Lettres d’un voyageur russe.’”). «Письма» Карамзина быстро стали «библией русского сентиментализма», объектом подражания. Молодые россияне, особенно во время поездок за границу, следовали

представленным поведенческим моделям; особое значение приобрел при этом стиль произведения. Как утверждает Бодэн,

стремясь к ясности и простоте выражения, Карамзин, опираясь, в частности, на пример французского языка и его синтаксиса, сумел создать поистине изящный язык [Baudin: 34].

По мнению авторитетного английского исследователя Э. Кросса, стилистические достоинства сделали «Письма» «первым большим русским прозаическим произведением, чтение которого доставляло истинное удовольствие» [Cross: 92]. Оно привлекло внимание современной ему западной публики благодаря немецким переводам И. Г. Рихтера (Richter) в 1799–1802 гг. и английским переводам А. А. Фельдборга (Feldborg) в 1803 г.

Успех «Писем» был продолжительным, и творчество Карамзина сохраняло первостепенное значение почти до конца правления Александра I, то есть до середины 1820-х гг. «Письма русского путешественника» вызвали множество подражаний, среди которых путешествия П. Сумарокова, В. Измайлова, М. Невзорова, П. Макарова, П. Шаликова и др.

Заканчивается обстоятельное введение разговором о переводах: «Переводы “Писем русского путешественника” на французский язык: вчера и сегодня» (“Traduire les ‘Lettres d’un voyageur russe’ en français, hier et aujourd’hui”). Бодэн приводит новые сведения относительно данного вопроса. Оказывается, первый французский перевод был сделан не В. С. Порошиным в 1867 г., а Ж. Г. Тюо де ля Буври (Tuault de la Bouvrie, 1744–1822). Этот писатель и политик издал в 1815 г. брошюру в семьдесят пять страниц под комичным названием «Извлечения из путешествия доктора Карамзина, лекаря московского» (“Extraits des voyages du Docteur Karamsin, médecin de Moscou”). Бодэн полностью приводит «Предисловие» этого переводчика, полное ошибок и нелепостей. Перевод был сделан не с русского оригинала, а с английского перевода 1803 г. и повторял все перестановки и пропуски английского переводчика.

Более значительным оказался второй французский перевод В. С. Порошина (1811–1868) под названием «Письма русского путешественника по Франции, Германии и Швейцарии (1789–1790)» (“Les

Lettres d'un voyageur russe en France, en Allemagne et en Suisse»). Они были опубликованы в 1867 г., в то время, когда французское общественное мнение было настроено против политики России в связи с подавлением польского восстания 1861–1863 гг. Экономист по образованию, Порошин учился в Дерпте и Германии, после чего был назначен профессором политической экономии и статистики в Санкт-Петербургском университете. В 1847 г. он переехал в Париж, где писал статьи для журнала *“Le Nord”*, а также брошюры на различные темы о настоящем и будущем России. Большинство публикаций Порошина касалось реформ Александра II и самой важной из них — отмены крепостного права. Некоторые из них были посвящены острым политическим сюжетам, например, «Спорная национальность, Россия и Польша» (*“Une nationalité contestée, Russie et Pologne”*, 1862). Его перевод «Писем русского путешественника» явился своеобразным протестом против развивающейся русофобии, поскольку главный герой произведения воплощал идеал европеизированного русского человека, чувствующего себя совершенно комфортно в пространстве европейских стран. Тем не менее, Бодэн говорит о неполноте и этого второго французского перевода: в него не вошла часть, посвященная Англии, а также сокращены и переставлены немецкие и швейцарские письма.

Во введении дается подробная информация о третьем французском переводчике «Писем» Карамзина — Арсене Легреле (*Legrelle*, 1834–1899), который выпустил свой перевод в 1885 г. Он совершил четыре путешествия в Россию, которую полюбил, и в переводе усиливал негативные высказывания Карамзина о Пруссии, а также проявлял англофобию. В центре его перевода была «картина Парижа в 1790». Бодэн приводит любопытные примеры лексической и синтаксической «модернизации» оригинала: например, Легрель заменяет слово «просвещение» лексемой «культура», употребляет «образование» (*“instruction”*) вместо «Просвещение» или «век Просвещения» (*“Lumières”*). Очень верное замечание касается вольного обращения Легреля с пунктуацией оригинала: он часто опускает двоеточие или точку с запятой — знаки, которые, по-видимому, намеренно использовались Карамзиным для усиления психологической выразительности [Валгина]. Легрель убрал множество восклицательных знаков, которые в его время считались излишними, тем самым он серьезно разрушил сентименталистскую поэтику текста.

Заканчивается вводная часть объяснением переводческого метода Бодэна. Он признается, что для воспроизведения французской части взял лучшее из предыдущего перевода, исправляя его, стараясь «вернуть тексту Карамзина атмосферу XVIII века». Для этого он восстанавливал синтаксис оригинала, а также использовал, насколько это было возможно, более архаичную лексику, чем у Легреля. Что касается английских, немецких и швейцарских «Писем», то Бодэн переводит их своими собственными силами. При этом он исходит из ряда принципов. Прежде всего, это внимание к французскому языку XVIII в., стремление избегать современных синонимов таких слов, как, например, «прекрасный» (“beau”), или отказ от употребления слов, вошедших в употребление только в XIX в. Вместе с тем он планомерно прибегает к архаизмам, например, к термину «аристократия» (“aristocratism”). Учитывая «многоязычность текста Карамзина», переводчик сохраняет имена, упомянутые на иностранном языке (на языке оригинала) в русском тексте. При этом для отличия от остального текста перевода такие вставки помечаются двумя звездочками. Совершенно обоснованно он модернизировал употребление прошедшего времени l'imparfait и постарался «точно перевести заимствования, сделанные Карамзиным из других писателей» [Baudin 2022: 48-49].

Бодэн разъяснил структуру примечаний и комментариев (“Notes et commentaires du traducteur”), являющихся важным компонентом научного аппарата издания. Он постарался «дать необходимые пояснения для лучшего понимания текста, по возможности идентифицируя людей, с которыми встречался или которых упоминал русский путешественник, восстанавливая исторический, политический или литературный контекст каждого суждения Карамзина» [Baudin 2022: 50]. Всего в издании 937 примечаний. Можно привести в качестве примера описание английского театра:

848. Le théâtre royal de Covent Garden fut créé par William Davenant en 1662, grâce aux lettres patentes qu'il avait obtenues du roi Charles II. En 1728, John Rich, fort du succès de l'Opéra des Gueux de John Gay, fit construire un nouveau bâtiment pour le théâtre, sur des plans d'Edward Shepherd. Originellement destiné à la seule représentation de pièces, le théâtre de Covent Garden proposa des ballets et des opéras à partir de 1734. Du milieu des années 1730 à la fin des années 1750 le théâtre fut le lieu de création de nombreuses œuvres de Haendel.

Le succès qu'y obtint notamment le Messie en 1743 inaugura une tradition d'interprétation d'oratorios pendant la période du Carême» [Nikolai Karamzine: 767-768].

(Королевский театр Ковент-Гарден был основан Уильямом Давенантом в 1662 г. благодаря патенту, полученному им от короля Карла II. В 1728 г. Джон Рич, воодушевленный успехом «Оперы нищих» Джона Гея, заказал новое здание для театра, спроектированное Эдвардом Шепардом. Первоначально предназначенный исключительно для постановки пьес, театр Ковент-Гарден начал представлять балеты и оперы с 1734 года. С середины 1730-х до конца 1750-х гг. театр был местом премьер многих произведений Генделя. В частности, успех «Мессии» в 1743 г. положил начало традиции исполнения ораторий во время Великого поста).

В примечаниях к русским изданиям «Писем русского путешественника» отсутствует даже упоминание этого крупнейшего английского театра. Не менее интересным является примечание о танце смерти, запечатленном на панелях Августинского монастыря в Эрфурте:

160. Une danse macabre était peinte sur les panneaux entre les fenêtres du couvent des Augustins d'Erfurt. Comme l'indiquent H. et B. Utzinger, « cinquante-six tableaux [furent] peints entre 1736 et la fin du siècle ; en 1872, un énorme incendie en [détruisit] la presque totalité <...>. Il y avait d'une part quatre tableaux représentant le Collège des Inspecteurs en réunion. Le nom de ces inspecteurs — des notables d'Erfurt — [était] écrit en lettres capitales au-dessous de chacun. Un ou deux orphelins [étaient] également peints et la mort squelettique [s'insérait] parmi ces groupes <...>. D'autre part, cinquante-deux tableaux [représentaient] une danse macabre classique, avec les personnages de la société » [Nikolai Karamzine: 663].

(На панелях между окнами августинского монастыря в Эрфурте был написан танец смерти. Как указывают Х. и Б. Утцингер, «пятьдесят шесть картин были написаны в период с 1736 года до конца века; в 1872 году огромный пожар уничтожил почти все из них <...>. С одной стороны, было четыре картины, изображающие заседание Коллегии инспекторов. Имя каждого из этих инспекторов — видных деятелей Эрфурта — заглавными буквами стояло под его изображением. Также были изображены один или

два сироты, а среди этих групп был вставлен скелет Смерти <...>. С другой стороны, пятьдесят две картины изображали классический танец смерти с фигурами из высшего общества»).

Высокий уровень пояснений и комментариев придает изданию дополнительную ценность. Наконец, Бодэн обильно проиллюстрировал свой перевод гравюрами и рисунками времен Карамзина. Это иллюстрации, изображающие Ленца, Канта, Николаи, виды Данцига, Берлина, Сан-Суси и др. Иллюстраций много, они не только очень украшают и поясняют текст, отражая большой вкус переводчика, но и визуализируют описания Карамзина. В целом новое полное французское издание «Писем русского путешественника» фактически не уступает классическому русскому изданию произведения в «Литературных памятниках». Но если Ю. М. Лотман работал вместе с Б. А. Успенским и Н. А. Марченко, то Бодэн сумел один создать академический научный аппарат и сделать прекрасный перевод.

Необходимо продемонстрировать мастерство переводчика на нескольких примерах. Начинается первое письмо с обращения путешественника к своему сердцу, давняя мечта которого — путешествие — наконец, осуществилась. Сохранен ряд риторических вопросов, нагнетающих состояние восторга, которое неожиданно оборачивается печалью при мысли о разлуке с близкими и любимыми, с теми, кто, по его выражению, «входит в состав нравственного бытия». Бодэн точно передает интонацию, ритмику, пунктуацию и синтаксис.

Тверь, 18 Майя 1789.

«О сердце, сердце! Кто знает: чего ты хочешь? — Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец ты поедешь? Не в радости ли просыпался всякое утро? Не с удовольствием ли засыпал, думая: ты поедешь? Сколько времени не мог ни о чем думать, ничем заниматься, кроме путешествия? Не считал ли дней и часов? Но — когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и со всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего» [Карамзин: 5].

Tver, le 18 mai 17891.

“Cœur, oh cœur ! Qui sait ce que tu désires? Combien d'années voyager n'a-t-il pas été la pensée la plus chère que nourrissait mon imagination? Ne me suis-je pas dit avec enthousiasme : ‘enfin, tu vas partir’? Ne me levais-je pas chaque matin tout rempli d'un sentiment de félicité? Ne m'endormais-je pas en songeant: ‘tu vas partir’? Combien de temps ai-je passé, incapable de penser à quoi que ce soit d'autre ou de m'occuper de quoi que ce soit d'autre que de mon voyage? N'ai-je pas compté les jours et les heures? Or, quand s'est présenté le jour tant espéré, j'ai été gagné par la tristesse, en imaginant pour la première fois avec vivacité qu'il me faudrait quitter les personnes qui me sont les plus chères et tout ce qui, pour ainsi dire, entre dans la composition de mon existence morale” [Nikolaï Karamzine: 55].

В приведенном фрагменте адекватно передан лексический рисунок, что лучше всего демонстрирует последняя фраза «la composition de mon existence morale», точно воспроизводящая карамзинское выражение «состав нравственного бытия моего».

Прекрасно передано динамичное начало описания встреч с веймарскими знаменитостями, поскольку Карамзин намеренно стремился заинтересовать читателя живыми диалогическими сценами. Совершенно точно воссозданы синтаксические конструкции, своего рода триады. Вначале трижды задается вопрос по поводу пребывания в городе Виланда, Гердера, Гёте, а затем трижды возобновляется вопрос о том, дома ли они, и трижды повторяется отрицательный ответ о том, что каждый из названных господ не у себя, а находится при дворе. Все вопросы и ответы, включающие нарочитые повторы, анафоры, адекватно воспроизведены Бодэном:

Веймар, июля 20.

«Здесь ли Виланд? здесь ли Гердер? здесь ли Гете?» — «Здесь, здесь, здесь», — отвечал он, — и я велел постиллиону везти себя в трактир *Слона*.

Наемный слуга немедленно был отправлен мною к Виланду, спросить, дома ли он? «Нет, он во дворце». — «Дома ли Гердер?» — «Нет, он во дворце». — «Дома ли Гете?» — «Нет, он во дворце».

«Во дворце! Во дворце! повторил я, передразнивая слугу», — взял трость и пошел в сад [Карамзин: 71].

Weimar, le 20 juillet.

“Wieland est-il en ville? Herder est-il en ville? Goethe est-il en ville? — Oui, oui et oui”, me répondit-il, sur quoi j’ordonnai au postillon de me conduire à l’auberge de *L’Éléphant*.

Je m’empressai également d’envoyer mon laquais de louage chez Wieland pour lui demander s’il était chez lui.

Non, il est à la cour.

— Et Herder, est-il chez lui ?

— Non, il est à la cour.

— Et Goethe alors, est-il chez lui ?

— Non, il est à la cour.

“À la cour ! À la cour ! » répétais-je en singeant le laquais puis, saisissant ma canne, je pris le chemin du jardin public [Nikolaï Karamzine:151].

А далее в переводе живо и ярко представлен диалог очень неприветливого Виланда и, на первый взгляд, слишком наивного и восторженного молодого человека, без приглашения вторгшегося к нему в дом. Бодэн абсолютно точно воспроизводит яркую драматическую сцену, запечатленную Карамзиным:

Wieland: Mais qu’attendez-vous donc de moi?

Moi: Vos œuvres m’ont fait vous aimer et ont éveillé en moi le désir de connaître personnellement leur auteur. Je n’attends rien de vous, sinon que vous m’autorisiez à vous voir.

W.: Vous m’embarrassez. Puis-je vous parler franchement?

Moi: Faites donc.

W.: Je n’aime pas lier connaissance, encore moins avec des gens dont je ne sais rien. Je ne vous connais pas.

Moi: Cela est vrai. Mais que redoutez-vous?

W.: C’est une mode aujourd’hui en Allemagne que de voyager et de décrire ses voyages. Nombreux sont ceux qui vont de ville en ville en tâchant de s’entretenir avec des personnages célèbres, dans le seul but de publier ensuite tout ce qu’ils auront entendu. Ce qui a été prononcé entre quatre yeux est ainsi offert à la connaissance du public. Je me défie de moi-même ; il m’arrive d’être trop franc.

Moi: Rappelez-vous que je ne suis pas Allemand et que je ne puis écrire pour le public d’Allemagne. En outre, vous pourriez me contraindre à la discrétion en me demandant ma parole d’honnête homme.

W.: Mais quel intérêt aurions-nous à faire connaissance? Supposons que nous nous accordions par notre manière de penser et de sentir ; ne nous faudrait-il pas nous séparer un jour ou l'autre? Vous ne songez pas à demeurer ici, n'est-ce pas?

Moi: Pour jouir du plaisir de vous voir, je puis demeurer à Weimar une dizaine de jours, après quoi, prenant congé de vous, je partirai heureux d'avoir fait la connaissance de Wieland, de l'avoir connu comme père de famille et de l'avoir vu entouré de ses amis [Nikolaï Karamzine: 157].

В переводе точно передан не очень привлекательный облик Виланда, который представлен черствым, недоверчивым, даже грубым. Ощущается утрированная наивность путешественника, которая была невинной хитростью, отчасти актерством, благодаря чему молодому человеку удалось несколько растопить лед собеседника. Игровое поведение молодого путешественника чувствуется в каждой его реплике. Очень важна точная передача в переводе всех диалогов, использование которых позволяло читателю чувствовать себя свидетелем происходящего.

Представим перевод еще одного репрезентативного фрагмента: встречи путешественника с автором «Путешествия юного Анахарсиса по Греции», аббатом Бартеlemi. В этой сцене все продумано: искренность и непосредственность поведения, напоминающие о наивной простоте «первобытного» скифа, слова о поклонении, — все свидетельствовало о демонстративно-театральном поведении. Ответная реакция французского ученого полна аллюзий по отношению к собственному произведению и свидетельствует о том, что Бартеlemi ментально понял смысл происходящего «представления»:

Париж, мая... 1790

«Я Русский; читал “Анахарсиса”; умею восхищаться творением великих, бессмертных талантов. Итак, хотя в нескладных словах, примите жертву моего глубокого почтения!» — Он встал с кресел, взял мою руку, ласковым взором предупредил меня о своем благорасположении и наконец отвечал: *я рад вашему знакомству; люблю север, и герой, мною избранный, вам не чужой.* — «Мне хотелось бы иметь с ним какое-нибудь сходство. Я в Академии: Платон передо мною, но имя мое не так известно, как имя Анахарсиса». — *Вы молоды, путешествуете и, конечно, для того, чтобы украсить ваш разум познаниями: довольно сходства!* [Карамзин: 251–252].

Paris, le... mai 1790.

“Je suis Russe ; j’ai lu *Anacharsis*; je sais m’enthousiasmer pour les œuvres des grands, des immortels talents. Acceptez l’hommage, si malexprimé qu’il soit par mes paroles, de mon profond respect!”

Il se leva de son fauteuil, prit ma main, me témoigna sa bienveillance par un regard généreux, avant de me répondre enfin:

“Je suis heureux de faire votre connaissance ; j’aime le Nord, et le héros que j’ai choisi n’est point un étranger pour vous”.

— Je souhaiterais avoir quelque ressemblance avec lui. Je suis certes dans l’Académie : Platon est devant moi; mais mon nom n’est point aussi connu que celui d’Anacharsis.

— Vous êtes jeune, vous voyagez, sans doute pour orner votre raison de connaissances: c’est assez de ressemblance!” [Nikolaï Karamzine: 423].

Для того чтобы подчеркнуть «совпадение» сцен, Карамзин цитирует в примечании к этому месту «Путешествие юного Анахарсиса», где рассказывается о «вежливом и простом» приеме древнего скифа Платоном. Это примечание полностью воспроизведено в переводе Бодэна. Перевод полно и точно отражает лексико-синтаксический, стилистический и эмоциональный уровни оригинала.

Труд Родольфа Бодэна получил высокую оценку ученых-славистов разных стран. Профессор университета Сорбонны, Стефан Вьелар отметил «масштаб работы», проделанной Р. Бодэном; он считает, что «книга представляет собой первое академическое критическое издание на французском языке труда Карамзина» [Viellard]. Антуан Нивьер, французский историк русской религиозной мысли, профессор университета Нанси II, утверждает, что «впервые франкоязычным читателям в полном объеме предлагается монументальное произведение русской литературы» [Nivière]. Сара Дикинсон, доцент кафедры современных языков и культур Генуэзского университета, неслучайно назвала свою статью «Карамзин возвращается во Францию» (“Karamzin Returns to France”). Она полагает, что «перевод Бодэна является важным и долгожданным дополнением к существующим исследованиям» о Карамзине и его знаменитом тексте [Dickinson]. Лестный отзыв о книге Бодэна дал и Эммануэль Вагеманс [Waegemans], бельгийский славист, педагог и издатель, профессор Центра русских исследований Католического университета Лёвена (Бельгия).

Таким образом, труд французского исследователя и переводчика является основательным, фундаментальным и освещает разные аспекты «Писем русского путешественника», их бытование в русской и европейской литературе. В своей книге Родольф Бодэн предстает как талантливый просветитель, культуртрегер, которому удалось совместить адекватность перевода с богатым литературоведческим анализом и историко-культурологическими комментариями.

Список литературы

Источники

- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 716 с.
- Nikolai Karamzine. Lettres d'un voyageur russe. Introduction, traduction, notes et commentaires de Rodolphe Baudin. Paris: édition L'Inventaire, 2022. 783 p.
- Nikolai Karamzine. Lettres d'un voyageur russe en Suisse. Traduit du russe, préfacé et annoté par Rodolphe Baudin. Paris: Éditions Florides Helvètes, 2024. 211 p.

Исследования

- Бородин С. Галлофобия в нашей литературе прошлого века // Наблюдатель, 1887. Т. 10, № 1. С. 70–85. Т. 11, № 1. С. 303–316.
- Валгина Н. С. Русская пунктуация: принципы и назначение. М.: Просвещение, 1979. 126 с.
- Гуминский В. М. «Письма русского путешественника» в контексте развития русской литературы путешествий // Литературоведческий журнал. 2017. № 40. С. 74–146.
- Калуцков В. Н. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина: литературно-географические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 26–35.
- Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб.: Алетейя, 2020. 353 с.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 525–606.
- Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.; Л.: Худож. лит., 1961. 444 с.
- Папилова Е. В. Образ Европы в мемуарах Е. Р. Дашковой // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2024. № 2 (53). С. 80–87. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-253-80-87>
- Полякова Л. В. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина в историко-литературном дискурсе. К 250-летию со дня рождения писателя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 4. С. 7–20.

Сафонов М. М. «Секретная миссия» княги ни Е. Р. Дашковой в общественно-политической борьбе в третьей чет верти XVIII в. // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 4. С. 50–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-50-73>

Baudin R. Nikolai Karamzine à Strasbourg. Un écrivain voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg: Presse Universitaires de Strasbourg, 2011. 324 p.

Baudin R. Introduction // *Nikolai Karamzine. Lettres d'un voyageur russe*. Introduction, traduction, notes et commentaires de Rodolphe Baudin. Paris: Institut d'Études Slaves ; Éditions L'Inventaire, 2022. P. 7–50.

Berelowitch W. La France dans le «Grand Tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIII-e siècle // *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1993. Vol. 34, № 1–2. P. 193–209.

Dickinson S. Karamzin Returns to France // *E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2023. Vol. 11. P. 284–286.

Cross A. G. N. M. Karamzin. A Study of his Literary Career 1783–1803. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1971. P. 306.

Haumant E. La culture française en Russie (1700–1900), Paris: Hachette, 1910. 571 p.

Nivière A. “Nikolai Karamzine, *Lettres d'un voyageur russe*” // *Revue des études slaves*. 2023. Vol. 94, № 4. P. 638–642.

Viellard S. Karamzine Nikolai, *Lettres d'un voyageur russe*, introduction, traduction, notes et commentaires de Rodolphe Baudin, Paris, Institut d'études slaves, L'inventaire, 2022 // *Dix-huitième siècle*. 2024/1. № 56. P. 596–599.

Waegemans E. Nikolai Karamzine, *Lettres d'un voyageur russe*, introduction, traduction, notes et commentaires de Rodolphe Baudin, Paris, Institut d'Études Slaves — Éditions L'Inventaire, 2022, 783 p. // *Slavica Occitania*, Toulouse. 2023. № 57. P. 321–324.

References

Borodin, S. “Gallofobiia v nashei literature proshlogo veka” [“Gallophobia in Our Literature of the Last Century”]. *Nabliudatel'*, vol. 10, no. 1, 1887, pp. 70–85; vol. 11, no. 1, 1887, pp. 303–316. (In Russ.)

Valgina, N. S. *Russkaia punktuatsiia: printsipy i naznachenie* [Russian Punctuation: Principles and Purpose]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 126 p. (In Russ.)

Guminskii, V. M. “‘Pis'ma russkogo puteshestvennika' v kontekste razvitiia russkoi literatury puteshestvii” [“‘Letters of a Russian Traveler' in the Context of the Development of Russian Travel Literature”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 40, 2017, pp. 74–146. (In Russ.)

Kalutskov, V. N. “‘Pis'ma russkogo puteshestvennika' N. M. Karamzina: literaturno-geograficheskie aspekty” [“‘Letters of a Russian Traveler' by N. M. Karamzin: Literary and Geographical Aspects”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 4, 2021, pp. 26–35. (In Russ.)

Kafanova, O. B. *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyi universum* [Translations of N. M. Karamzin as a Cultural Universe]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2020. 353 p. (In Russ.)

Lotman, Iu. M., and B. A. Uspenskii. “‘Pis'ma russkogo puteshestvennika' N. M. Karamzina i ikh mesto v razvitiu russkoi kul'tury” [“‘Letters of a Russian Traveler' by

N. M. Karamzin and their Place in the Development of Russian Culture”]. Karamzin, N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 525–606. (In Russ.)

Makogonenko, G. P. *Denis Fonvizin. Tvorcheskii put'* [Denis Fonvizin. The Creative Path]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1961. 444 p. (In Russ.)

Papilova, E. V. “Obraz Evropy v memuarakh E. R. Dashkovoï” [“The Image of Europe in the Memoirs of E. R. Dashkova”]. *Kul'tura i obrazovanie*, no. 2 (53), 2024, pp. 80–87. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2024-253-80-87> (In Russ.)

Poliakova, L. V. “‘Pis'ma russkogo puteshestvennika' N. M. Karamzina v istoriko-literaturnom diskurse. K 250-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel'ia” [“‘Letters of a Russian Traveler' by N. M. Karamzin in Historical and Literary Discourse. On the 250th Anniversary of the Writer's Birth”]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriia: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, no. 4, 2016, pp. 7–20. (In Russ.)

Safonov, M. M. “‘Sekretnaia missiia' kniagini E. R. Dashkovoï v obshchestvenno-politicheskoi bor'be v tretei chetverti XVIII v.” [“‘The Secret Mission' of Princess E. R. Dashkova in the Socio-Political Struggle in the Third Quarter of the 18th Century”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 4, 2025, pp. 50–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-50-73> (In Russ.)

Baudin, Rodolphe. *Nikolaï Karamzine à Strasbourg. Un écrivain voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789)*. Strasbourg, Strasbourg University Publ., 2011. 324 p. (In French)

Baudin, Rodolphe. “Introduction.” *Nikolaï Karamzine. Lettres d'un voyageur russe. Introduction, traduction, notes et commentaires de Rodolphe Baudin*. Paris, Institut d'Études Slaves, Éditions L'Inventaire Publ., 2022, pp. 7–50. (In French)

Berelowitch, Wladimir. “La France dans le ‘Grand Tour’ des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIII-e siècle.” *Cahiers du Monde russe et soviétique*, vol. 34, no. 1–2, 1993, pp. 193–209. (In French)

Dickinson, Sara. “Karamzin Returns to France.” *E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, vol. 11, 2023, pp. 284–286. (In English)

Cross, A. G. N. *M. Karamzin. A Study of His Literary Career 1783–1803*. Carbondale, Edwardsville, Southern Illinois University Press, 1971. 306 p. (In English)

Haumant, Émile. *La culture française en Russie (1700–1900)*. Paris, Hachette Publ., 1910. 571 p. (In French)

Nivière, Antoine. “Nikolaï Karamzine, Lettres d'un voyageur russe.” *Revue des études slaves*, vol. 94, no. 4, 2023, pp. 638–642. (In French)

Viellard, Stéphane. “Karamzine Nikolaï, Lettres d'un voyageur russe, introduction, traduction, notes et commentaires de Rodolphe Baudin, Paris, Institut d'études slaves, L'inventaire, 2022.” *Dix-huitième siècle*, no. 56, 2024/1, pp. 596–599. (In French)

Waegemans, Emmanuel. “Nikolaï Karamzine, Lettres d'un voyageur russe, introduction, traduction, notes et commentaires de Rodolphe Baudin, Paris, Institut d'Études Slaves — Éditions L'Inventaire, 2022, 783 p.” *Slavica Occitania, Toulouse*, no. 57, 2023, pp. 321–324. (In French)